

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

РЕДАКЦИЯ

А.М.ЕГОЛИН (глав ред.), Н.Ф.БЕЛЬЧИКОВ,
И.С.ЗИЛЬБЕРШТЕЙН и С.А.МАКАШИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · М О С К В А · 5 · 2

ГОГОЛЬ В НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ

ЗАПИСИ П. И. МАРТОСА, Ф. В. ЧИЖОВА, В. С. АКСАКОВОЙ
и М. П. ПОГОДИНА

Публикации Н. Арнольда, Леонида Каплана
и Г. Фридендера

I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ШКОЛЬНОГО ТОВАРИЩА ГОГОЛЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА П. И. МАРТОСА К П. И. БАРТЕНЕВУ

Автор помещаемых ниже заметок, Петр Иванович Мартос, был школьным товарищем Гоголя. Как и Гоголь, он воспитывался в пансионе при «Гимназии высших наук кн. Безбородко», но курса не кончил и в 1827 г. поступил унтер-офицером в уланский полк. Выйдя в отставку в 1837 г., он поселился в своей деревне в Полтавской губернии.

Повидимому, именно Мартос являлся автором адресованного Пушкину письма из Одессы от 13 октября 1836 г. Он выступил в нем с рядом возражений против пушкинского «Письма к издателю», вызванного статьей Гоголя «О движении журнальной литературы» (1836 г.). В своем письме, которое Мартос просил Пушкина опубликовать в одной из книжек «Современника», он резко осуждал «Библиотеку для чтения» и ее редактора О. И. Сенковского (см. А. Пушкин. Полн. собр. соч., изд. Академии Наук СССР, т. XVI, М., 1949, стр. 166—168).

В фонде издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, хранящемся в Центральном литературном архиве, нами обнаружено письмо к нему Мартоса. Оно было вызвано появлением в «Русском архиве» известных воспоминаний В. А. Соллогуба, в которых имеются эпизоды, относящиеся к Гоголю.

Высказывая предположение о том, что Соллогуб ошибался, приписывая Пушкину какую-то долю участия в замысле «Ревизора», Мартос поделился с Бартеневым своими личными воспоминаниями, большая часть которых повторяет уже известные факты из биографии Гоголя и поэтому нами опускается. Мы приводим лишь небольшой отрывок из воспоминаний, небезинтересный при изучении творческой истории «Мертвых душ», а также текст юношеского стихотворения Гоголя «Новоселье», которое до сих пор было известно только по неполному автографу Гоголя, найденному его лицейским товарищем — А. С. Данилевским и напечатанному в VI томе десятого издания Соч. Гоголя под редакцией Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока.

Приводимый Мартосом текст стихотворения Гоголя содержит в себе девять не известных ранее строк и, кроме того, дает три (несущественных, впрочем) разночтения — в стихах 3, 5 и 7.

Н. Арнольд

П. И. МАРТОС — П. И. БАРТЕНЕВУ

...Насчет «Мертвых душ» могу рассказать следующее.

...В Нежине, где мы воспитывались в пансионе, при гимназии высших наук князя Безбородко, был некто К—ачь, серб; огромного роста, очень красивый, с длинейшими усами, страшный землепроходец, — где-то купил он землю, на которой находится — сказано в купчей крепости — 650 душ; количество земли не означено, но границы указаны определенно. Не знаю, какое присутственное место решилось совершить купчую крепость на эту землю, заложенную впоследствии К—чем за значительную сумму. Что же оказалось? Земля эта была — запущенное кладбище. Этот самый случай рассказывал Гоголю за границей князь Н. Г. Репнин — это я слышал от самого князя Николая Григорьевича.

Прилагаю при сем стихи Яновского, автограф которых у меня. Они были помещены в издаваемом мною в 1826 г. журнале «Метеор»¹:

НОВОСЕЛЬЕ

— Не весел ты! — Я весел был, —
 Так говорю друзьям веселья, —
 Но радость жизни разлюбил
 И грусть назвал на новоселье.
 Я весел был — и светлый взгляд
 Был не печален; с тяжкой мукой
 Не зналось сердце; темный сад
 И голубое небо скукой
 Не утомляли — я был рад...
 Когда же вьюга бушевала
 И гром гремел и дождь звенел
 И небо плакало — грустнел
 Тогда и я: слеза дрожала,
 Как непогода плакал я...
 Но небо яснило, гроза бежала —
 И снова рад и весел я...
 — Теперь, как осень, вянет младость.
 Угрюм, не веселится мне,
 И я тоскую в тишине,
 И дик, и радость мне не в радость.
 Смеясь, мне говорят друзья:
 — Зачем расплакался? — Погода
 И разгулялась и ясна,
 И не темна, как ты, природа.
 А я в ответ: — Мне всё равно,
 Как день, все измененья года!
 Светло ль, темно ли — всё одно,
 Когда в сем сердце непогода!²

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Описание рукописного журнала «Метеор литературы» см. в статье: С. Пономарева. Нежинский журнал Н. В. Гоголя. — «Киевская старина», 1884, № 5, стр. 143—146.

² Это стихотворение было впервые напечатано в VI томе X издания Сочинений Гоголя под ред. Н. Тихонравова и В. Шенрока, СПб., 1896, стр. 1, под названием «Непогода» — по рукописи, найденной лицеистом товарищем Гоголя, — А. С. Данилевским. В рукописи недоставало девяти стихов (они были вырваны; вырванное место на бумаге имело форму сердца).

II. ЗАПИСИ О ГОГОЛЕ В ДНЕВНИКАХ Ф. В. ЧИЖОВА

Обширные дневники славянофильского литератора Федора Васильевича Чижова (1811—1877) — долголетнего знакомого Гоголя, издателя его сочинений и мемуариста, в течение многих десятилетий оставались недоступными для исследователей. В своем предсмертном завещании Чижов распорядился о передаче всего своего архива, в том числе и дневников, в Румянцевский музей, оговорив, однако, что пользование ими может быть разрешено лишь по истечении сорокалетия со дня его смерти. Этот «манускрипт, обнимающий чуть не сорокалетнее пространство времени, богатый не только автобиографическими любопытными данными, но и заметками о событиях и людях», возбуждал живой интерес еще у современников Чижова (см. «Русский архив», 1878, № 2, стр. 129).

Чижов не принадлежал к числу друзей Гоголя. Ему, как и всем деятелям славянофильского лагеря, были глубоко чужды и антипатичны обличительные тенденции творчества Гоголя. Его личные отношения к писателю временами принимали характер открытого недоброжелательства; Чижов откровенно признался себе однажды, что «высота Гоголя давит» его; при чтении гнусных нападок Булгарина на Гоголя он испытывал, по его собственным словам, «немного отдохновительное чувство» (запись эта от 1 марта 1847 г. в нашу публикацию не включена).

Знакомство Чижова с Гоголем состоялось еще в 1834 г., во время непродолжительного профессорства Гоголя в Петербургском университете, в котором Чижов преподавал математику.

«Расставшись с Гоголем в университете, — писал позднее в своих воспоминаниях Чижов, — мы встретились с ним в Риме в 1843 году и прожили здесь целую зиму в одном доме, на Via Felice, № 126. Во втором этаже жил покойный <Н. М.> Языков, в третьем — Гоголь, в четвертом — я. Видались мы едва ли не ежедневно. С Языковым мы жили совершенно по-братски, как говорится, душа в душу, и остались истинными братьями до последней минуты его; с Гоголем никак не сходились. Почему? Я себе определить не мог <...> Несмотря, однакож, на наши довольно сухие столкновения, Гоголь очень часто показывал ко мне много расположения. Тут, по какому-то непонятному для самого меня внутреннему упрямству, я, в свою очередь, отталкивал Гоголя». Как устанавливается публикуемыми ниже выдержками из дневника, первая встреча Гоголя с Чижовым в Риме относится не к 1843 г., а к концу 1842 г.

Неограниченный авторитет, которым пользовался Гоголь среди русской художественной колонии в Риме и, в частности, у А. А. Иванова, был крайне неприятен Чижову. Категорические высказывания Гоголя о произведениях живописи воспринимались Чижовым, усердно изучавшим историю искусства, почти как личное оскорбление. Характерна в этом отношении публикуемая ниже запись от 8 декабря 1842 г., где «диктаторское» суждение Гоголя о двух эскизах художника Иванова вызвало у Чижова резкое возмущение.

Холодно расставшись в 1843 г., Чижов и Гоголь встретились в Киеве через пять лет, в 1848 г., по утверждению Чижова — «истинными друзьями». В этих словах сильное преувеличение. Цитированная выше запись Чижова об «отдохновительном чувстве» при чтении нападок Булгарина на Гоголя относится к 1847 г., т. е. только на год предшествует киевской встрече. Некоторая перемена в их отношениях все же произошла; она была подготовлена их перепиской, сохранившейся лишь частично («Письма», III, 425—426; «Русская старина», 1889, № 8, стр. 363—380; «Гоголь. Материалы и исследования», I, 129).

Большинство дошедших до нас писем Чижова к Гоголю посвящено проектируемому Чижовым новому славянофильскому журналу. Желание заручиться участием в журнале такого авторитетного сотрудника, как Гоголь, заставило Чижова сознательно пойти на сближение с великим писателем. Зная, что Гоголь решительно отвергал все попытки привлечь его к участию в славянофильских изданиях (см. об этом выше, в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников»), Чижов не решался открыто предлагать ему сотрудничество, но незаметно

наводил писателя на мысль о необходимости его участия в журнале. Эти дипломатические «заезды» Чижова закончились, однако, неуспехом. Свидание Чижова с Гоголем в Киеве произошло уже после того, как попытка Чижова заняться журнальной деятельностью потерпела полное крушение.

Сведений о встречах с Гоголем в Киеве и затем в Москве в дневниках Чижова не встречается: к этому времени Чижов прекратил регулярную запись своих впечатлений и возвращался к дневнику лишь эпизодически. Обнаруженное нами в архиве Ф. В. Чижова письмо его к А. А. Иванову из Киева от 1 июня 1848 г. несколько восполняет этот пробел. «...Четвертого дня приехал сюда Гоголь, возвращаясь из Иерусалима,— писал Чижов,— он, кажется, очень и очень успел над собою, и внутренние успехи выражаются в его внешнем спокойствии. Сегодня он едет к матери в Полтавскую губернию, а потом в Москву. Мы сошлись хорошо, хоть разбитая душа моя не в состоянии была отозваться ни на какой призыв его <...> Верите ли, что до того истощены силы, что написать письмо мне стало уже делом. Гоголь предсказывает укрепление тела и духа, но я до того упал, что даже нет утешения в мысли, что силы могут снова восстановиться. У меня одна жизнь, и в ней одно утешение — панихида» (неизд.— ЛБ, Чиж. 10/33; ср. П. Кулиш. Записки из жизни Н. В. Гоголя, т. II, СПб., 1856, стр. 240—241).

Другое неизданное письмо Чижова, к Е. М. Хомяковой, относящееся к 1849 г., отмечает явный перелом в отношении Чижова к Гоголю. «Любите Гоголя,— писал Чижов Хомяковой.— Он умеет говорить с Вами и любит Вас. А, право, хорошо в жизни иметь людей, нас любящих <...> Простите, что напишу Вам два слова наставления: я думаю, Вы не шутите над Гоголем, ради бога, не шутите. Я с ним не схожусь, но это человек (как писатель), до того стоящий самого глубокого уважения, что малейшая попытка на шутку была бы оскорбительна. Любите его, его приходы всегда хороши» (ГИМ, ф. 178, ед. хр. 33, л. 269).

Любопытна также запись в дневнике Чижова от 30 августа 1855 г.— уже после смерти Гоголя, где он дает оценку Гоголю как великому писателю-новатору, в произведениях которого «явились новые люди; общество явилось со всею мыслью, со всею ничтожностью, но живое, а не склеенное по заказу». Глубоким уважением к Гоголю проникнуты также и мемуарные заметки Чижова, переданные им Кулишу и использованные последним в его биографии Гоголя. Публикуемые ниже записи являются естественным дополнением к уже известным воспоминаниям Чижова.

Леонид Каплан

<Дюссельдорф.> 21 августа 1842

...Вчера взял у Жуковского «Мертвые души» Гоголя и сегодня кончил — хороши, очень хороши, хотя есть места вялые. Вообще он не так знает Россию, как Малороссию, это раз. Другое — ему не нужно говорить о гостиных и о женщинах,— и те и другие дурны, сильно дурны. Но сколько души в самых простых сценах. Кучер его — это Поль Потерова¹ коровка; просто, ничтожно само <по> себе, а трогает сердце...

<Рим.> 30 <ноября 1842 г.>

Нанял квартиру на Via Felice, № 126, в том доме, где нанимают Гоголь и Языков; не знаю, хорошо ли это, но квартира хорошая, комната на солнце и стоит с чисткою платя и сапогов 7¹/₂ скуд, то есть с небольшим 35 рублей. Это еще сносно...

<Рим.> Декабря 8 <1842 г.>

...Сейчас возвратился я из мастерской Александра Андреевича Иванова. Он показывал мне два свои рисунка, приготовляемые им для <вел. кн.> Марии Николаевны. Он не знает, какой выбрать. Один представляет римский танец *il sospiro**. Дело состоит в том, что одна девушка стоит на коленях, кругом нее танцует другая; стоящая на коленях вздыхает, та,

* вздох (итал.).

которая танцует, спрашивает: кто украл у тебя сердце, та в ответ показывает на кого-нибудь из зрителей, и тот волею или неволею должен пуститься в пляску. Последний момент изображен на картинке: девушка показала на длинного англичанина, и другая тащит его насильно. Все присутствующие хохочут.

Другая — простое пиршество римлян на *Ponte molle*. Женщины в готовности подневать; направо стол, за которым еще остаются едящие; налево мужчины собрались в кружок; на втором плане группа немецких художников под предводительством Торвальдсена и Вагнера смотрят на эту сцену. В той и другой картинках вдаль Рим, только с разных точек.

Я, когда посмотрел обе картинки, выбрал последнюю, сначала не составивши отчетливого суждения — почему. Приходит Гоголь и диктаторским тоном произносит приговор в пользу первой, говоря, что она в сравнении с тою — историческая картина, а та *genre*, что тут каждое лицо требует отдельного выражения, а там группы. Одним словом, что первая выше последней, и во всем этом у него был решительный приговор и никакого внимания к бедному моему суждению. Разумеется, по непривычке, это немного оскорбляет, особенно тогда, когда только вчера он сказал, что рыцарство — в русской вежливости нашей перед ними, — а это невнимание к противному мнению, чем оно пахнет? Но, оставя это, я нахожу в его суждении совершенно непонятный взгляд на прекрасное и на искусство. В первой картине прекрасное в стороне, она может правиться по исполнению и по верной передаче выражений, никак не больше, по крайней мере в том виде, какова она в составе картинки Иванова, да и не может быть изящною в полном значении слова, оно всё подчинено естественности выражений, которые здесь более устремляются в комизм, а комизм, по моему мнению, может дойти до ступени прекрасного или общностию всей картины, или высоким комическим значением главного ее лица. Здесь нет ни того, ни другого. В другой картинке прекрасное таится в самом действии, то есть в самом танце; на месте художника я удалил бы стол с бутылками, поставил бы его так, чтоб он был свидетелем сцены, а не разрезывал бы группы; также поудалил бы (впрочем, она и то удалена) группу зрителей. Здесь полная свобода и грациозности движений и беспечности, следовательно истинной, спокойной красоте выражений каждого лица.

З а к л ю ч е н и е. Не смею произнести приговора, но тон Гоголя вообще мне не нравится; в его пользу сильно говорит Иванов, потому я его не отталкиваю от себя, то есть внутри так, а ничто не привязывает...

⟨Рим.⟩ 27 ⟨декабря 1842 г.⟩

...Сегодня вечером заговорили мы о Муравьеве². Гоголь говорит, что язык его вял; не знаю, сколько мне кажется, именно у него хорош язык. Гоголь говорит, что теперь трудно писать чистым языком, — да у него самого язык с сильными промахами. Когда я примусь дельнее работать? Надобно было бы читать и по-русски. Возьму завтра же Муравьева. Никак не могу согласиться, чтоб у него язык был вял, — правда и то, что я его мало очень помню...

28 ⟨декабря 1842 г.⟩

...Заходил я к ⟨Н. М.⟩ Языкову; разговорившись о Муравьеве, он говорит: «Ну что Гоголь городит, что язык Муравьева дурен, это все от того, что он Пушкина партии, даже он почти не читал Муравьева». Это к сведению ⟨...⟩

Читаю Муравьева. Действительно, не вяло, а натянута, и к тому же у него нет умения владеть языком, множество ошибок и недоглядов в языке, множество неясностей; вообще требовалось бы сильно его выправить. Ко всему этому у него нет такту...

〈Париж.〉 19 〈июня 1844 г.〉

...Получил письма от А. П. Магденки и Гоголя³ — последний пишет, что он едет в Остенде...

Остенде. 22 〈июля 1844 г.〉

Сглушил, батюшко Федор Васильевич, сильно сглушил, приехал в Остенде ништочто, привез ничего. Гоголь еще не приезжал сюда, — и то правда, я потерял только с небольшим пять франков да день времени, последнее не шутка. Завтра утром пускаюсь прямо в Кёльн...

25 〈октября 1845 г.〉

Сейчас пойду в библиотеку 〈...〉, возьму Гоголя, только для того, чтоб прочесть всего его вместо отдыха от чтения более замысловатого. К тому же я многого не читал и еще одно: очень не худо сблизиться с его языком. Статья его «Рим» оставила довольно дурное впечатление, хоть больше по ошибкам против языка, нежели по его нехудожественности. Сколько я помню, у него много оригинальности в самом слого и особенно, кажется, это заметнее всего в «Мертвых душах»...

31 〈октября 1845 г.〉

Минутами я беру в руки «Мертвые души» Гоголя и беспрестанно прошу внутренне извинения у нашего истинного таланта⁴. Не знаю, с чего мне показался дурным и несвершенным его язык. Теперь он мне кажется превосходным. Нигде, решительно нигде я не заметил, чтоб он выходил за пределы, требуемые предметом. Везде он в рамках рассказа, везде сам язык ровно в ладу с содержанием и с ходом дела. В самых отступлениях он именно таков, каким нужно быть ему, чтоб высказать грусть, наполняющую душу писателя. Есть прогляды, никак не более; разумеется, хотелось бы не видеть их; но что же это такое? — Не больше как почти типографические ошибки...

1 〈ноября 1845 г.〉

...Напрасно я ищу причины недеятельности в обстоятельствах, в направлении общества, в противоречии с моим внутренним бытом людей, меня окружающих. Всё это существует и для других. Гоголь, судя по его сочинениям, чувствует и глубоко чувствует всё то, что мне кажется, что я чувствую один; понимает и деятельно пускает в ход свои понятия, а между тем Гоголь работает, и, как видно, работает сильно. Не может быть, чтобы такая перемена в языке, какую видно в его сочинениях, начиная от его «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до «Мертвых душ», совершилась без большой работы. Художественное совершенство происходило внутри его, но тут есть еще внешнее совершенство формы, что весьма и весьма верно. Я тоже работаю, тоже стараюсь об обработке моего языка, а между тем всё или большая часть того, чем я являюсь в обществе, плохо и сильно плохо...

30 〈августа 1855 г.〉

Ночью как-то не засыпалось, все шло на ум значение Гоголя в литературе. Он первый ввел натуральную школу, не только у нас, но до него ее не было вообще. Новая французская школа не могла назваться натуральною: в ней героем романа был не человек, а заданная мысль, или, всего чаще — болезнь человеческая, болезнь общественная; человек был только ее представителем — оттого люди являлись сделанными на заказ. У Гоголя, как потом у Диккенса, явился человек как он есть, но не простой портрет Ивана Семеновича, Максима Максимовича и т. п., а портрет известного положения человека в обществе, оттого у него явились живые люди; общество явилось со всею мелочью, со всею ничтожностью, но живое, а не склеенное по заказу. По мне Гоголь выше Диккенса большим

углублением внутрь человека и братованием его с собою⁵. Поэтому-то именно и прекрасно то, что Гоголь брал пошлые стороны общества: побратоваться с героем каждому приятно...

Октября 3 <1855 г.>

...В Гоголе важно проследить его внутреннюю переработку и проследить за его языком, — искренность, простота, выражающаяся в избегании

местоимений и заменении их самими существительными, и, несмотря на то, что она не выявляется. Как это неудачно у подражателей...

Марта 22 <1857 г.>

Теперь я читаю «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя», написанные Кулишом, и почему-то в начале чтения менее доволен ими, чем прежним изданием под именем «Опыта биографии Гоголя». Сам Гоголь, впрочем, чрезвычайно как останавливает на себе сочувствие на каждой строке. Вряд ли это не лучший способ — передавать всю переписку, только, по-моему, по местам расположены объяснения. Мне кажется,

писавши биографию Языкова⁶, всего лучше, немного коснувшись его поэтической природы, всё извлекать из ряда его писем и писем к нему. Жаль, что у Кулиша нет нигде писем к Гоголю, и то правда, что в его природе эти письма только нить, на которую нашивались явления его внутренней жизни. С ним не могло быть такой искренней, задушевной переписки, как с Языковым. Этот отвечал на все явления современности, а в самом себе был часто лирическим поэтом. Лиризмом своей природы он вызывал часто лирическую сторону жизни и у других. Гоголь больше изучал других, писал по требованию передать себя, хотя и не сознавал сам этого требования. По его письмам кажется — он заботится о другом, а везде читаешь его самого; Языков передает себя, о себе говорит, а читаешь более всё о современной ему литературной деятельности.

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ (Чиж. 2/1, 1/5, 2/3, 2/6).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поль Поттер (1625—1654) — знаменитый голландский живописец, прославившийся превосходным изображением животных.

² Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874) — автор «Путешествия по святым местам» и ряда других произведений на «духовные» темы. В своих воспоминаниях Чижов также отмечал, что Гоголь отзывался о Муравьеве резко, «не признавал в нем решительно никаких достоинств и находил в нем отсутствие языка» (П. Кулиш. Записки из жизни Гоголя. СПб., 1856, т. I, стр. 326). В печатном тексте записок вместо фамилии Муравьева дан лишь криптоним «М — в».

³ Это письмо Гоголя к Чижову неизвестно. 31 июля 1844 г. Чижов также отметил в своем дневнике получение не дошедшего до нас письма к нему Гоголя. Подобные же записи о неизвестных письмах Гоголя, полученных Чижовым, сделаны в дневнике под датами: 25 августа 1844 г. (из Остенде), 25 января 1847 г. и 12 апреля 1847 г. (возможно, что в последней записи имеется в виду письмо от 25 марта 1847 г. — «Письма», III, 425—426). В дневнике Чижова имеются также упоминания о посланных им Гоголю, но не сохранившихся письмах — от 24 ноября 1844 г., 17 и 29 января 1847 г. 1 января 1847 г. Чижов писал А. Н. Попову: «Гоголь в Неаполе, пишет, что хворает; я думал было поехать к нему, но теперь не имею времени» (неизд. — ГИМ, ф. 231, ед. хр. 5, л. 262 об.).

⁴ Несколько позднее, 15 февраля 1847 г. Чижов снова записал в своем дневнике: «Хочу еще раз прочесть „Мертвые души“ и буду отмечать, что мне не понравится, то есть, что покажется неправильным в языке:

Стр. 1, строка 8: „Сидел... ни слишком толст, ни слишком тонк“ — нельзя по всей строгости сказать без глагола бы л. Сокращенные прилагательные всегда подразумевают глагол; следовательно, если нет глагола, подразумевается е с т ь и не ладится с прошедшим временем.

Стр. 1, строка 2 снизу: <„Въезд его“ не был сопровожден <ничем особенным“> — против логики языка, хоть кажется и по грамматике; с о предполагает движение, потому глагол с о п р о в о ж д а т ь можно употреблять или в настоящем или в будущем и прошедшем, тогда непременно в многократном и никогда не в однократном.

Стр. 8, строка 2 снизу: <„Он выбежал“ весь длинный“ — не по-русски.

Стр. 9, строка 17: <„еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых самих по себе“> (погодных перемен, а не кирпичей).

Стр. 10, строка 20: <„Запах,“ который был сообщен“ — будто бы тут „сообщен“.

Стр. 11, строки 12 и 15: все „к о т о р ы е“.

Стр. 12, строка 7: „подавались блюда“ и потом винительный падеж — „пулярку“.

Стр. 13, строка 1 снизу: „з а с н у л два часа“. „Заснул“ нельзя сказать сколько или, если можно, то неопределенно.

Стр. 14, строка 9: <„Здесь было заметно более“ движения народа и живости“ — нелепость столкновения трех родительных падежей.

Стр. 15, строка 9: „З а м е т н о было потемневших“.

Стр. 15, строка 20: „тоненьких дерев“. Этот вид родительного „дерев“ можно употреблять при прилагательных „толстых“.

Стр. 16, строка 11: <„Отправился домой“, поддержи в а е м ы й слегка на лестнице трактирным слугою“> — вдруг несколько ошибок. Одна — номер, „поддерживаемый“, а не он; другая — „отправился, поддерживаемый“, следовательно слуга был с ним.

Стр. 16, строка 15: „прищура“, надобно „прищури в“, прошедшее.

Стр. 16, строка 4 снизу: „Свернул опрятно“ — неуместно прилагается „опрятно“.

Стр. 19, строка 6: „Какой даже не везде видывано“, „даже не везде“ — не логически.

Стр. 21, строка 6: <„другие оделись“> во что бог послал в губернский город. „Во что бог послал“ — так, а если же прибавить „в губернский город“, тогда в то, „что бог послал в губернский город“.

Стр. 24, строка 7 снизу: <„табакерку, на дне которой“> заметили <две фиалки“> — нет существительного. Кто заметил? неопределенно тут нельзя сказать: нет неопределенного глагола.

Стр. 26, строка 13: <„принимал гостей своих в халате, несколько замазленным“, и в том числе <двух каких-то дам“> — так далеко от слова „честен“, что не догадаешься в каком.

Стр. 16 — „который“ (прокурор).

Стр. 8 — „которая“ (глава).

А всё это совестно замечать, потому что ошибки ученические, не соединенные ни сколько собственно с языком, слогом, а просто недосмотры грамматики <...> На стр. 20 сравнение с мухами должно было бы кончиться словом „о коем“, далее оно растянуто и как-то не соединено с ходом рассказа.

⁵ Ср. выше подобные же мысли о Гоголе и Диккенсе в письме В. С. Аксаковой в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников» (письмо № 118).

⁶ Чижов намеревался написать биографию Н. М. Языкова, с которым он был очень дружен. В архиве Чиждва сохранились многочисленные подготовительные материалы — выписки из различных писем Языкова.

III. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК В. С. АКСАКОВОЙ

Вера Сергеевна А к с а к о в а (1819—1864) — старшая дочь С. Т. Аксакова, познакомилась с Гоголем еще в детстве и в течение всей своей жизни сохраняла к нему живой интерес и симпатию. Это не могло не отразиться в ее переписке, частично публикуемой в настоящем томе, и в дневниковых записях, содержащих значительный фактический материал о великом писателе. Большинство высказываний В. С. Аксаковой о Гоголе является непосредственным отражением мнений о нем ее отца; со своим отцом В. С. Аксакова была неразлучна и взгляды его полностью разделяла. Характерно, что в своей работе над «Историей моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксаков широко пользовался письмами В. С. Аксаковой о Гоголе, то прямо цитируя их, то излагая их содержание от собственного имени.

«Талант г. Аксакова, — писал Добролюбов, — слишком субъективен для метких общественных характеристик, слишком полон лиризма для спокойной оценки людей и произведений, слишком наивен для острой и глубокой наблюдательности» (Н. Д о б р о л ю б о в. Полн. собр. соч., т. II, М., 1935, стр. 452—453). Эта принципиальная характеристика, указывающая на слабые места Аксакова как мемуариста, целиком применима и к В. С. Аксаковой, в частности к ее экзальтированным суждениям о Гоголе, крайне субъективным и выдержанным в наивно-дидактическом тоне.

Понимание истинного значения великого писателя не было доступно В. С. Аксаковой: она видела в Гоголе лишь моралиста, филантропа, абстрактного мечтателя.

Подобный взгляд на Гоголя сильно ограничивает ценность публикуемых ниже заметок В. С. Аксаковой. Однако в них содержатся и важные фактические сведения о великом писателе, а также излагаются некоторые суждения Гоголя, ярко выражающие его горячую любовь к людям, труду и искусству.

Леонид К а п л а н

Трудно мне вспомнить те свежие, живые впечатления, среди которых жила я 10, 12 лет тому назад; но, погружаясь в них понемногу, постепенно вижу я как то одно, то другое возникает, и тогда-то снова осветится воспоминание и наполняет душу давно забытыми, давно чуждыми впечатлениями. В самом разном мире может жить человек один и тот же, конечно с изменением лет и обстоятельств не узнаешь себя, и может не верить, что всё это сам переживал и пережил, а между тем ничего сильного, яркого не происходило в моей жизни. Я считаю некоторым образом своею обязанностью передать свои воспоминания, связанные с Гоголем. Не думаю, чтоб могла соблюсти последовательность; буду записывать, как вспомнится. Между же моими воспоминаниями и настоящим временем легло столько болезненных впечатлений, что это еще более мешает мне возобновить в памяти свежесть той жизни.

Сегодня вспомнила я, как в 1851 году Гоголь был у нас при тетушке Надежде Тимофеевне¹. Мы за ним посылали к Троице, вечером были малороссийские песни. На другой день утром я пришла в залу, Гоголь уже давно там был и разговаривал с <братом> Иваном, погода была очень дурная. Поздоровавшись с Гоголем, я стала жаловаться на погоду. Гоголь сказал: «Всё хорошо, зачем жаловаться, за всё надобно благодарить». Видно было, что ему было тяжело слышать всякое неудовольствие. Не помню, как зашел у Гоголя с Иваном разговор, но помню, что он коснулся до всего состояния современного неурейства, разладу и т. д. Гоголь говорил с душевным участием. Видно было, что эти мысли не раз тревожили его душу и возбуждали его самое глубокое соболезнование, и как бы всё само собою устроилось, все недоразумения, раздоры прекратились, говорил, если б каждый человек был полон любви. Он подошел к окну, видимо погруженный в свои мысли, устремил глаза вдаль; видно было, что он предался

своей задушевной мечте; в эту минуту высказалась вся его любовь ко всем* 1839 года 29 сентября на даче в Аксиньине мы получили записку от Щепкина с извещением, что приехал Гоголь². Радость была общая, Константин уехал в тот же день в Москву, а мы переехали на другой день совсем. Кажется 1-го октября во время нашего обеда взшел в залу <М. С.> Щепкин и с ним кто-то, небольшого роста человек с длинными белокурыми волосами, усами и эспаньелкой — то был Гоголь. С этого дня началось наше короткое знакомство с ним; через месяц мы уже ехали вместе в Петербург и дорогой еще больше сблизились. В Петербурге мы видались довольно часто, хотя на короткое время. Из Петербурга поехали вместе с ним и с его сестрами и с Федором Ивановичем Васьевым. К празднику рождества христового мы были в Москве, и 2 января 1840 года мы с маменькой уехали в Курск и воротились в первых числах февраля. В мае Гоголь уехал с <В. А.> Пановым в чужие края из нашего дома. В 1841 году он воротился один с намерением поселиться в Москве с Языковым. В 1842 году к 21 мая вышла первая часть «Мертвых душ», и он сам скоро уехал опять в чужие края из нашего же дома<...> Мать и сестры его были тут же. Шесть лет он пробыл за границей, в начале 1848 года он воротился в Малороссию, в конце августа приехал в Москву. Я была больна в Москве, и маменька и Константин случайно были в это время также в Москве. С тем же Щепкиным пришел он к нам. Мы обрадовались чрезвычайно, Гоголь был как-то смущен. Вскоре поехал в Петербург и вскоре опять воротился. В октябре приехал и отесенька и все из деревни. Тут опять начались посещения Гоголя, хоть не столь частые, как в прежние времена.

1849 года, в мае месяце, незадолго до дня своих именин, он сделался болен, расстроен нервами, однакож был у него, по обыкновению, обед у Погодина. Лето провел он в разъездах около Москвы (в Калуге у Смирновой), был у нас в августе целую неделю, читал в первый раз первую главу второго тома, а потом приехал в начале сентября и опять провел неделю. Мы поздно переехали в Москву, к 1 января 1850 года. Гоголь был в Москве и рад очень нам. Зиму провели вместе, малороссийские песни его утешали. Весной опять расстроился. В мае уехал он с Максимовичем в Малороссию, а оттуда в Одессу, где и провел зиму, в 1851 в июне воротился в Москву, был у Троицы, приезжал к нам и с нами вместе уехал в Москву, потом опять приезжал к нам один на два дня, хотел еще приехать до отъезда своего в Малороссию на свадьбу сестры. Отесенька с братьями ездил в дальнюю деревню, а перед отъездом и все вместе приезжали в Москву, и Гоголь часто ходил к нам и читал «Мертвые души» и пели малороссийские песни; потом он уехал к Смирновой в подмосковную. По возвращении отесеньки и братьев, он неожиданно приехал к нам один на один день, был чрезвычайно весел и жив; хотел приехать в сентябре к именинным праздникам, но не успел и 22 сентября после сильных нерешений уехал в Малороссию. 30 сентября отесенька с Константином поехали по делам в Москву, вдруг им говорят, что Гоголь присылал; Константин побежал к нему и привел его. Он на дороге, в Калуге, сделался болен в Оптиной пустыни и решился воротиться. В тот же день отесенька, Константин и он приехали к нам вечером. Мы были удивлены и обрадованы, но вид Гоголя огорчил нас. Он был так расстроен, так худ, так грустен, что жалко

* В это же утро говорил он о том, как один человек, больной, не выходя из дома, разрисовал весь свой дом растениями и цветами той стороны, где жил. Как можно во всем себе найти дельное занятие, даже можно смотреть, как делают другие, с пользой, и научиться; когда сам не в состоянии ничем заняться, то следить с вниманием за работой других уже может быть делом. Очевидно он говорил это для меня, потому что я не раз говорила, что я не в состоянии ничего делать. Тут его позвали читать драму, он тотчас пошел, но мне казалось, что он в ту минуту не был оставаться расположен.

было его видеть. Впрочем, на другой день ободрился, а на третий, 2-го октября, уехал от нас. Это было последнее его посещение в деревне.

Вскоре после того как Николай Васильевич уехал от нас (2-го октября) мы с маменькой и Надей также должны были ехать в Москву. Маменька искала квартиры для Оленьки, мы же все по обстоятельствам решились провести зиму в деревне. Николай Васильевич часто навещал нас по вечерам,

ЛОСКУТНЫЙ РЯД В НАЧАЛЕ ТВЕРСКОЙ УЛИЦЫ
(ТЕПЕРЬ УЛИЦА ГОРЬКОГО) В МОСКВЕ

Рисунок П. Мартынова, 1846 г.

Исторический музей, Москва

всегда расспрашивал подробно о домах, которые мы смотрели, уговаривал маменьку нанять большой, для того чтоб батюшка и все могли переехать в город, но мы не могли этого сделать, как сами того ни желали. «Хоть еще бы одну только зиму вы провели в Москве», — сказал он один раз, и как больно вспоминаются эти слова теперь. — Часто по вечерам пела Паденька малороссийские песни. Николай Васильевич сам напевал, я клала на поты. Один раз собралось у нас еще несколько малороссов, и все пели песни,

Николай Васильевич был доволен. Наконец маменька наняла домик, мы переехали. Николай Васильевич пришел к нам на новоселье во время нашего вечернего чая и принес хлеб для большой сестры. Даже в этот вечер уговаривал маменьку переменить дом на большой и всё надеялся, что до рождества батюшка и все переедут в город. — Мы возвратились в деревню 9-го ноября. На рождество маменька должна была опять ехать в Москву по случаю кончины одной нашей старинной знакомой — Кавелиной. К новому году маменька опять уже была в деревне. В Москве виделась несколько раз с Николаем Васильевичем, и он один раз сказал маменьке на вопрос — скоро ли думать печатать: «Нет, не скоро, многого недостает, и если б теперь пришлось начинать, совсем бы иначе начал».

Приехали опять в Москву 1852 года 19 января. Гоголь нас навещал через день до 4 февраля. А 21-го его уже не было.

15 февраля 1852 года в пятницу Гоголь был уже в постели и так изменился в лице, что брат был поражен, взойдя к нему. Гоголь спросил: «Что у вас в деревне?» — Слава богу, все благополучно. — «Дай бог, чтоб было всё благополучно», сказал Гоголь.

16, 17-го числа мы справлялись о здоровье Гоголя; все говорили, что лучше, лучше, что он даже встает. 18-го числа мне не удалось послать узнать о нем, но я не тревожилась, зная, что ему лучше, и была уверена, что через несколько времени он выздоровеет, но 19 числа утром, часов в 11, приехал к нам В. Б. Между прочими пустыми разговорами он вдруг сказал: «А знаете ли, вчера Гоголь совсем умирал, его причащали и соборовали». Мы были поражены. Как мы провели этот день, тяжело вспомнить; посылали к Гоголю — те же вести, даже хуже; говорили, что он с ума сошел и т. д. К вечеру, однакоже, сказали, что ему лучше несколько. На другой день, однакоже, плохие вести. Часов в 5, после вечера, мне сказали, что нет никакой надежды. Тут приехал Иван с Самсоновым. Весь этот вечер провели мы так смутно, что я почти не помню. На другой <день> утром сказали, что Гоголю лучше, но только сильная слабость; я догадалась, что это последнее, но только часа в два или три узнала я, что Гоголя уже не стало.

На первой панихиде вечером уже начался спор о Гоголе.

Отчего это каждое слово Гоголя подымает так душу со дна, возбуждает всё то, что спало до тех пор в глубине ее, подымает все ее законные потребности, все высокие стремления, вопросы, давно заснувшие, тревожат ее снова, и цель ее существования и долг ее на земле; неотразимо представляется, сколько жизни может и должна заключать душа, как широко ее поле назначения; вдруг почувствуешь те тайные связи, связующие каждую человеческую душу со всем миром других душ и явлений жизни: ту связь, которая часто, всегда почти, пренебрегается нами, и мы живем разрозненные, как-то недовольные, часто тоскующие по ней в своем скудном стесненном одиночестве, вращаясь без смысла, оторванно в ограниченном мире своих собственных нужд и впечатлений. — Слово Гоголя вдруг освещает всю скудость, всю пошлость, всю безжизненность такой жизни; о, если б всегда гореть тем неугасимым пламенем добра и любви, потребности, пользы, стремления к идеалу совершенства, и эти стремления должны перейти в дело, принести плод! — Сколько неистощимой любви в его письмах к сестрам, сколько самой нежной, самой предусмотрительной попечительности, входящей во все мельчайшие подробности, предупреждающей все возможные явления, сколько стараний, усилий вразумить их, даже издали оградить их от всего пошлого, недостойного, сколько скорби об них! Нежная мать не могла бы более любить и заботиться! И вообще во всех его дружеских письмах сколько нежной любви, душевной заботливости об каждом. Вот откуда происходит его желание учить д р у г и х — из этого неисчерпаемого источника любви к людям, из этой

неутомимой скорби, заботливости о них, которая даже простиралась и на внешние обстоятельства каждого. Вот почему каждое слово его возбуждает в душе каждого ту же любовь <...>

Какая-то скупость и скудость души удерживает часто нас от сближения и сообщения с другими душами. Такая скупость удержала Н. от сближения с Гоголем. Мне теперь кажется, что это всё равно, что зарыть талант в землю, эта боязнь, как будто жаль траты или хлопот. Может быть, она и происходит от скудости душевной, да и она же её производит. Потом уже нет силы жизни, нет производителя силы, стало быть нет достаточно любви ни для каких подвигов душевных <...>

Гоголь говорит в одном письме к Данилевскому, что после него будут творить скорее, потому что он уже сделает половину пути. Гоголь говорил о сочинениях, но так как дело Гоголя, по его же словам, есть дело души, то и путь его имел значение не литературное только, а именно путь воспитания душевного, и он, точно, проложил для всех уже его, и его пример не действует ли на всех и не ведет ли по этому пути, уже углаженному им душевными и телесными страданиями? <...> — Много мы имеем примеров святых подвижников, но то было давно, во времена, столько разнствующие от наших, при таких особенных обстоятельствах и окружениях, совершенно чуждых нашему времени. Но это совершилось при наших глазах, хотя большею частью неизвестно для нас самих. Это пример из нашей среды, при всех условиях современной жизни и обстоятельствах; этот человек и явился и жил среди нас, оставался — человек-художник и служивший свято искусству...

— Что было несомненно, непоколебимо — это желание добра и пользы и что желание это было так сиюно, так проникало всё его существо,

что присутствовало, кажется, при каждой его мысли, или, лучше, порожидало всякую его мысль, было источником всех его действий и мыслей, хотя бы и самых ошибочных и, повидимому, противоречащих. Он сам сказал: «Я с г о р я...», и это не фраза, это было истинно так. Но как, каким путем достичь добра, как приложить это душевное стремление к жизни, как осуществить его в практической форме — вот это была задача, которой разрешение мучило его постоянно, которая беспрестанно ему являлась то с той, то с другой стороны, часто совершенно противоречащей между собой; эта лаборатория внутренняя не прекращалась. Иногда ему казалось довольно долго, что он нашел задачу, и он ее обнаружил, уча решению, и сам потом удивлялся, как вышло совсем не то, что хотел сказать, и горел со стыда при своей ошибке. В применениях к частностям он ошибался часто; ему очень естественно хотелось видимой пользы, которая бы своей определенностью, ощутительностью успокоила бы его тревожную, жаждушую душу. Любовь он принимал за построение целых не только взглядов, но установлений, и при душевной идеальности своих требований и надежд, которых осуществлений он желал и воображал уже, что видит, — разумется часто ошибался. Но не ошибалось в нем это стремление, истинна была эта горячая любовь и желание добра, и он чувствовал это и не мог не скорбеть, когда его так дурно понимали, и чувствовал также свою невозможность оправдаться, выразиться...³ лиризм и стремление к образам действительным со всей их оконченностью. Вообще ему трудно было выражаться; конечно это был, может быть, недостаток натуры, но вместе с тем это происходило и из того, что натура его души была слишком идеальна, слишком серьезно горела, чтоб найти легко соответственное слово; надобно чтоб он слишком был одушевлен, тогда он мог говорить, но это случалось очень редко, и мне кажется ему самому было приятно высказаться сколько-нибудь. Мы видели, как полно каждое слово его, как оно, сверх своего обыкновенного смысла, говорит тем внутренним, необъятной глубиной жизни огнем той души, из которой вышло, и подавляет нас своим внутренним значением. Вот почему иногда вовсе неловкие и даже неправильные выражения, если их будут рассматривать со стороны обыкновенного смысла и правильности, имеют невыразимую прелесть и так неотразимо действуют внутренним своим увлечением.

Он не проповедовал громко и увлекательно своих мыслей, но, живя ими исключительно, каждое его слово отзывалось тем, что так вполне им владело. Он постоянно следил за каждым движением человека и желал всей душой сообщить ему свое желание помочь; думал, что бы такой или такой человек мог сделать доброго? И иногда одно, два слова его обнаруживали то, что его занимало: — а вот бы хорошо вам было то сделать, так заняться, но на первое возражение получаемое — он замолчит, потом косвенно когда-нибудь опять скажет: а вот такой-то хорошо делает так-то. Он не любил вообще с и с т е м ы, которыми так легко удовлетворяются люди, которые часто считают себя обязанными действовать согласно с ними, потому он нападал часто на разговоры, споры и т. д., не любил и прений, направлений особенных и т. д.

Самые идеальные требования души своей хотел практически применить к жизни и по требованию своего художнического таланта желал их видеть осуществленными во всей обстановке мелочей ежедневной жизни..

Печатается, с небольшими сокращениями, по рукописной копии, хранящейся в ИРЛИ, ф. Аксаковых (№ 3, оп. 18, ед. хр. 4).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Надежда Тимофеевна К а р т а ш е в с к а я — родная сестра С. Т. Аксакова.

² См. об этом выше, в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников».

³ В копии пропущено одно слово, не разобранным копиистом.

IV. ЗАМЕТКА М. П. ПОГОДИНА О ГОГОЛЕ

М. П. Погодин познакомился с Гоголем в 1832 г. С этого времени до конца тридцатых годов они были довольно близки. Однако в начале сороковых годов в отношениях между Гоголем и Погодиным произошел перелом.

Решающую роль в этом сыграла деятельность Погодина как издателя «Москвитянина». Погодин стремился всеми силами привлечь Гоголя к активному участию в этом реакционном журнале. Было бы ошибкой объяснять (как это делали либерально-буржуазные биографы Гоголя) стремление Погодина обеспечить сотрудничество Гоголя только его желанием поддержать «Москвитянин». Погодин хотел, чтобы Гоголь своим участием в «Москвитянине» в период обострившейся борьбы между «Москвитянином» и «Отечественными записками» заявил о своей идейной солидарности с ним и о враждебности направлению Белинского и «Отечественных записок». Именно поэтому Гоголь восстал против настойчивых требований Погодина.

В письме к А. О. Смирновой от 28 декабря 1844 г. Гоголь, не называя Погодина по имени, совершенно ясно сформулировал эту основную — идейную — причину своего нежелания участвовать в «Москвитянине» и, в частности, дать (чего добивался Погодин) для напечатания в «Москвитянине» главы «Мертвых душ». Подробный анализ взаимоотношений Гоголя и Погодина см. ниже в предисловии к неизданным письмам разных лиц к Гоголю.

Настойчивый отказ Гоголя от сотрудничества в «Москвитянине» привел к охлаждению отношений между Гоголем и Погодиным и даже к возникновению между ними прямой вражды.

В воспоминаниях, опубликованных самим Погодиным («Год в чужих краях», ч. II, М., 1844; «Кончина Гоголя» — «Москвитянин», 1852, № 5, отд. VII, стр. 47—50; «Отрывок из записок о жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» — «Русский архив», 1865, ч. 3, стб. 1270—1278), он везде стремился затушевать свои расхождения с Гоголем и представить свои отношения с ним как неизменную дружбу. В отличие от этих воспоминаний, в публикуемой ниже черновой заметке-конспекте, написанной, повидимому, для самого себя, Погодин открыто говорит о вражде между ним и Гоголем, возникшей в 1841—1842 гг.

Особый интерес представляют строки публикуемой заметки, в которых отразилась тревога Погодина, вызванная свиданием Гоголя с Белинским в Москве, в январе 1842 г., а также его рассказ о чтении Гоголем Погодину в 1839 г. в Мариенбаде отрывков из «Мертвых душ», во время которого Гоголь заявил Погодину, что «Мертвые души» не смогут быть напечатаны при его жизни (слова эти являются ярким свидетельством того, что Гоголь хорошо сознавал антикрепостническую направленность своего великого произведения). Рассказ этот подтверждается письмом Погодина к Гоголю от 14/26 июня 1847 г., публикуемым ниже.

Г. Фридендер

31 авг<уста> <1848 г. ?>

Я узнал Гоголя тогда-то ¹.

Первые письма и отнош<ения>.

Свидание в Петерб<урге> и чтение ². В гостин<ице> Серапина у Обух<овского> моста, где я стоял с Перевощи<ковым> ³.

Письмо в Москву, напечатан<ное> в «Наблюдателе», где я назвал его звездой ⁴.

Переписка об истор<ии> и проч.

Письмо о смерти Пушкина 1837 г. «Ты у нас остался» и проч. ⁵

С тех пор, я ходил за ним, как нянька.

Всяческая помощь, и от себя и от других.

1839 г. в Риме вместе жили. Первые впечатления отрицат<ельные> ⁶.

В Мариенбаде ходил за ним и Иноз(емцевым)?.— Хлопоты.— Он чит(ал) отрывки из «Мертв(ых) душ» и уверял, что при жизни они не будут напечатаны.

Из Вены привез его в Росс(ию). Жил у меня. Сестры. Мать.

1841. Я начал издав(ать) журн(ал). Хладнокров(ие) его (Гоголя) произв(одило) во мне пр(отивное) впечатл(ение). Начал подозр(евать) эгоизм⁸.

1842. Он приехал. Почти уверен, что я не спрашивал у него статью⁹. Может быть, другие говорили. Он вызвался сам, и я спрашив(ал) при истечении им назначенных сроков. Упрека его сильно в холодности, эгоизме, гордости. Помню сильнейшую сцену при Трофимовск(ом)¹⁰. Я считал себя его каким-то ментором, столько был уверен в его неограничен(ной) ко мне доверенности за мои дела, что считал себя в праве, и был уверен, что эти упреки, хотя и горькие, не переменят наших отношен(ий), тверд(ых) отношен(ий); а он в это время меня уже презирал, и злобился, и показывал презрение. Ничего этого я не замечал. Каково же было ему слышать упреки от презираемого человека. Были минуты, в котор(ые) он видел мою душу — и минуты, смею сказать, которые должны были возбуждать уважение даже в незнак(омом) человеке (нрзб.).

Слухи, что он был у Краевск(ого), послал к Белинск(ому)¹¹.

Толков(ал) о мелоч(ах), мимо меня¹², печатание. Посредн(ики), клиенты — мимо меня. Наконец, на мои стр(оки) о напечат(ании) вместо объявл(ения) главы не получил (согласия)¹³. Я даже имел право.

Я рассердился, а через месяцев 8, кажется, написал к нему письмо после случая накануне: ты мне был противен, но вчера... И я готов¹⁴.

До портрета¹⁵ я не подозревал его злобы и презрения. Притом письмо, им написан(ное) к Лизе, о дружбе и любви и проч.¹⁶ Не могу теперь разобрат(ся), отвечал ли он¹⁷.

Мое несчастье. Письмо его, которое я, перелаывая себя, читал врачам¹⁸. Просил его, и ответа не получил на просьбу.

Является его книга, где он дал мне пощечину¹⁹. Я многим писал, Акс(акову) и Шев(ыреву), кажется. Переписка по поводу книги. Надо справиться в моих письм(ах): его раскаяние) и проч.²⁰

Я попал ему прямо в сердце, кажется, оттого и злоба, хоть закрытая, может быть, ему самому неизвестная. После он раскаялся, но всё то же тайлось. Пишу это теперь на память, но всё надо сообразить и обдумать.

Автограф. ИРЛИ. Собрание П. Я. Дашкова (№ 652, оп. 2, ед. хр. 38, л. 19).

П Р И М Е Ч А Н И Я

Запись имеет черновой характер. Окончания слов, отсутствующие в оригинале, и отдельные необходимые для связи дополнения вводятся в угловых скобках.

Год Погодиным не проставлен. Изложение отношений Гоголя и Погодина доведено в заметке до 1847—1848 гг. К какому времени относится заметка — установить не удалось.

¹ Погодин познакомился с Гоголем в последних числах июня 1832 г., по приезде Гоголя в Москву. Однако еще до этого, в 1829 г., Гоголь отправил Погодину свою идилию «Ганц Кюхельгартен».

² Во время пребывания Погодина в Петербурге в феврале — марте 1835 г. Гоголь читал ему отрывки из «Владимира III степени» и «Женихов» (см. «Московский наблюдатель», 1835, № 2, стр. 445 и Барсуков, IV, 267).

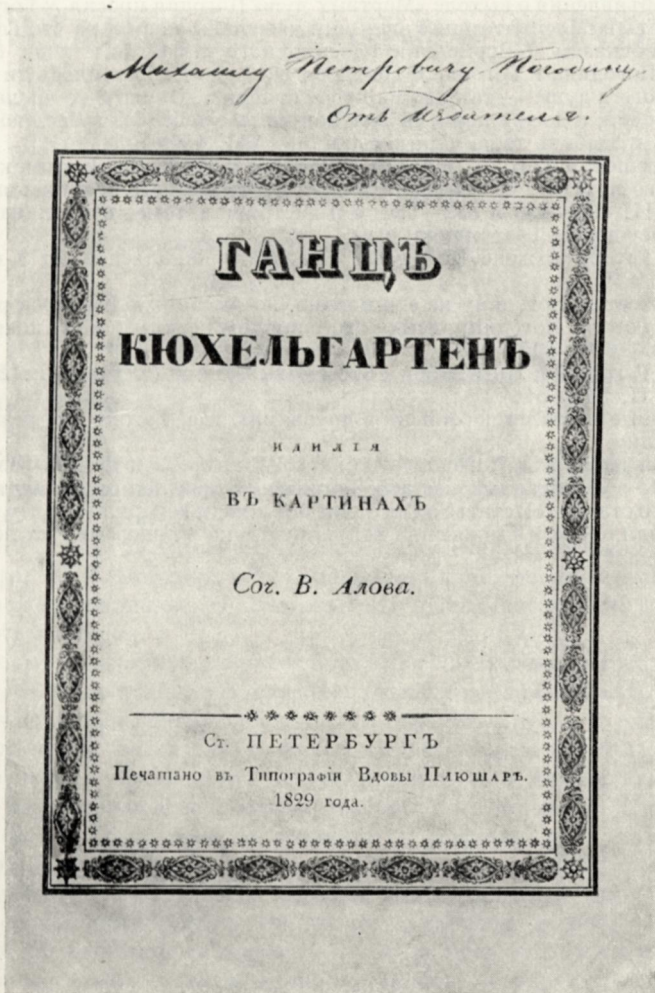
³ Дмитрий Матвеевич Перевощиков (1788—1880) — математик и астроном, профессор Московского университета.

⁴ Погодин имеет в виду свое «Письмо из Петербурга», напечатанное в «Московском наблюдателе», 1835, № 2, стр. 442—448 (ценз. разр. — 30 марта). Погодин рассказывал в нем о чтении Гоголем двух комедий, о «Миргороде» и писал в заключение: «О! на горизонте русской словесности восходит новое светило, и я рад поклониться ему в числе первых» (стр. 445).

⁵ Письмо Погодина к Гоголю о смерти Пушкина до нас не дошло. Гоголь отвечал Погодину на это письмо знаменитым письмом от 30 марта 1837 г. («Письма», I, 434—435).

⁶ Погодин пробыл в Риме вместе с Гоголем с 8 марта по 9 апреля 1839 г.

⁷ Погодин писал впоследствии: «В Мариенбаде произошла история: Гоголь занемог в Марсели, но не хотел лечиться, а Иноземцев, который также был тогда в Мариенбаде, не хотел лечить. Мне надо было их сводить и упрашивать, чтобы один решился лечиться, а другой — лечить» («Русский архив», 1865, стб. 1278).

ИДИЛЛИЯ «ГАНЦ КЮХЕЛЬГАРТЕН» ГОГОЛЯ. ЭКЗЕМПЛЯР
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА М. П. ПОГОДИНУ, 1829 г.

Книга вышла под псевдонимом В. Алов

Историческая библиотека, Москва

⁸ Об отношении Гоголя к «Москвитянину» см. выше, во вступительной заметке, а также в публикациях «Гоголь в неизданной переписке современников» и «Неизданные письма к Гоголю».

⁹ В действительности, как свидетельствует записка Погодина, написанная в декабре 1841 г. (см. статью: Е. К а з а н о в и ч. К истории сношений Гоголя с Погодиным. — «Временник Пушкинского дома», Пг., 1914, стр. 69—87), Погодин сам требовал у Гоголя статью («История», 55; ср. «Письма», IV, 13—14).

¹⁰ Вероятно, при Н. М. Трохимовском, внуке близкого друга семьи Гоголей, врача М. Я. Трохимовского.

¹¹ Свидание Гоголя с Белинским состоялось в Москве, в начале января 1842 г., когда Гоголь вручил Белинскому рукопись «Мертвых душ», которую не пропускала московская цензура, для того, чтобы с помощью друзей Гоголя провести ее через цензуру в Петербурге. См. об этом выше, в публикации Л. Р. Ланского «Гоголь в неизданной переписке современников».

¹² Погодин намекает на хлопоты Гоголя, связанные с изданием «Мертвых душ». Погодин был особенно недоволен тем, что все дела по продаже «Мертвых душ» в Москве Гоголь поручил не ему, а Шевыреву (см. «Письма», IV, 76 и ниже, в публикации «Неизданные письма к Гоголю»).

¹³ Вместо объявления о выходе «Мертвых душ» Погодин просил у Гоголя разрешения опубликовать в «Москвитянине» одну или две главы поэмы, на что Гоголь ответил категорическим отказом («Временник Пушкинского дома», цит. изд., стр. 82).

¹⁴ Письмо Погодина к Гоголю от сентября 1843 г.: «Не случилось ли с тобой чего-нибудь особенного в душе — так около 3-го сентября?.. Около 3-го числа я как будто примирился с тобой, а до тех пор я не мог подумать о тебе без треволнений... я готов опять и ругать и любить тебя» (Б а р с у к о в, VII, 150).

¹⁵ Без разрешения Гоголя Погодин напечатал в ноябрьской книжке «Москвитянина» 1843 г. его портрет, что вызвало резкие протесты Гоголя в письмах к друзьям (см. «Письма», II, 498—499 и 532—534 и в настоящем томе, в публикации «Гоголь в неизданной переписке современников»).

¹⁶ Письмо Гоголя к жене Погодина, Елизавете Васильевне, от 3 июня 1842 г. («Письма», II, 175).

¹⁷ Гоголь ответил Погодину на его письмо, но Аксаков и Шевырев решили не передавать ответ Гоголя Погодину, найдя его слишком резким (см. «Письма», II, 352—359 и «История», 118—125).

¹⁸ Письмо Гоголя от 20 декабря 1844 г., вызванное смертью Е. В. Погодиной (см. «Письма», II, 542—546).

¹⁹ «Выбранные места из переписки с друзьями», где Гоголь дал резкую характеристику Погодину.

²⁰ Несмотря на упреки Погодина, Аксакова, Шевырева и др., за резкость его отзыва о Погодине в «Выбранных местах», Гоголь не отказался от принципиального содержания своего отзыва: «В статье о Погодине нет лжи, я говорил то, в чем был убежден, и как бы ни были слова и выраженья неприличны, но в основании их лежит правда» («Письма», III, 391).